

УДК 299.512

*Конончук Д.В.
Kononchuk D.V.*

Конфуцианская культурная парадигма

The Confucian cultural paradigm

В статье на основании разработанной авторским коллективом концепции культурных парадигм производится анализ конфуцианской культурной парадигмы и определяются её основные культурные паттерны.

Ключевые слова: *Конфуций, конфуцианство, китайская философия, культурная парадигма, культурный паттерн, смысл, Чжоу-гун*

In the article, using group of authors' cultural paradigms concept as basis, was carried out an analysis of Confucian cultural paradigm, and also were identified its major culture patterns.

Key words: *Confucius, Confucianism, Chinese philosophy, cultural paradigm, cultural pattern, meaning, Zhou Gong*

«孔子是我们的耶稣»
(樊志辉, 中国哲学史学家)¹

Эта статья продолжает тему культурной парадигмы, которая была поднята в прошлом номере журнала в статье С.Е. Ячина и Д.В. Конончука [14]. Мы постарались обосновать подход к осмыслению культурной динамики, согласно которому в качестве смыслового ядра культуры может рассматриваться культурная парадигма – живой пример (событие и/или лицо), который становится образцом решения жизненно важных задач для носителей данной культуры (формулировка С.Е. Ячина). В статье мы попытаемся показать, как работает концепт культурной парадигмы на материале конфуцианства, которое являет нам яркий и очень типичный пример культурной парадигмы *per se*, раскрывающий все основные её характеристики.

Наша уверенность в типичности конфуцианской культурной парадигмы основана на исторической логике её становления. Этот процесс обнаруживает следующие признаки: конфуцианская культурная парадигма 1) базировалась на солидном основании уже существовавшей, достаточно разработанной парадигмы, исходной для данной культуры; 2) не отрицала эту парадигму, но претендовала на более точное понимание её паттернов; 3) получила своего основателя в лице обладающей харизмой личности, ориентированной в первую очередь на коммуникативное

КОНОНЧУК Дмитрий Васильевич, к.ф.н., доцент кафедры философии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток) **E-mail:** Novymkladshy@yandex.ru

¹ «Конфуций – это наш Иисус». Фань Чжихуэй, историк китайской философии.

общение с учениками, а не на теоретизирование и создание текстов; 4) имела достаточное количество способных и энергичных последователей, осуществивших её доктринизацию с учётом исторического опыта и первичную идеализацию образа Учителя; 5) в качестве доктрины пережила этап конкуренции с другими сильными и популярными доктринами, пока 6) однажды не получила официальную поддержку власти и все привилегии государственной идеологии. Легко заметить, что все эти черты могут быть отнесены сразу к целому ряду парадигм, например, к христианской.

Парадигмальный образ. На одной из двух стел, стоящих на могиле Учителя в лесу Кунов в Цюйфу, стилизованным под чжоуское письмо чжуаншу начертано:

Здесь лежит великий совершенный достигший святости наречённый культурой царь. (大成至聖文宣王墓).

Ещё до этого, в III веке при династии Цзинь впервые появляется зафиксированный в «Записях о трёх царствах» титул «Учитель и Образец десяти тысяч поколений» (萬世師表) [16], оказавшийся в посмертной жизни Конфуция наиболее распространённым. Позже сунский автор Чжоу Хуэй писал:

О сколь велик [ты], совершенный в святости! В тебе – сама культура. Эталон для императоров и царей, учитель для прошлого и настоящего! [22].

Чжоу Хуэю вторит торжественное песнопение во время жертвенного поминания Учителя в посвящённых ему храмах:

О, сколь велик [ты], учитель Кун! О, сколь прекрасен [ты], учитель Кун! Прежде не было подобного тебе, после тебя уже не повторить. Твой Путь (дао, 道) венчает прошлое и настоящее, твоя благодать (дэ, 德) слилась с Небом и Землёй. О, Учитель десяти тысяч поколений, несущий спасение миру!... Эталон для всего человечества, в тебе – сама культура. Солнце и Луна озаряют тебя своим светом, Небо и Земля приветствуют тебя, Достигший святости первоучитель, тебя славят все люди! [23]¹

Само собой разумеется, внешность Конфуция была тоже под стать более ранним «анатомическим» образцам. Сыма Цянь описывает это так: «У восточных ворот стоит человек. У него лоб, как у великого Яо. Его голова, как у мудрого Гао Яо. Его плечи, как у Цзы Чаня. От поясицы и ниже – он короче Великого Юя [лишь] на 3 цуня» [13, с. 135-136; подробнее на эту тему см: 4].

Приведённые примеры лишней раз напоминают о том, что парадигмальный статус Конфуция в китайской культуре общеизвестен. Эвфемизация имени Учителя, особенно в форме вечного присвоения ему его титула – яркий признак торжества парадигмы. Посмертный титул Конфуция, как и, например, Иисуса, слился с самим его именем. *Фуцзы*, как и *Христос*, – сразу понятно, о ком это. На протяжении веков китайцы упорно сами создавали себе культурный эталон, возведя скромного любителя древности из Цюйфу в ранг *Учителя десяти тысяч поколений и Совершенного в святости*. В сопровождении титулов «образец» (бяо, 表), «эталон» (ши, 式), префиксов «совершенно-» (сюань, 宣), «перво-» (сянь, 先) Учитель веками предстал перед поколениями китайцев. Каждое занятие в начальной школе неизменно начиналось с поклонов Конфуцию и

¹ Перевод Д.В. Конончука

своему собственному учителю, этим же и заканчивалось [12, с. 407-409]. Сложность в постижении иероглифики, даже на школьном уровне, приводила к тому, что каждый учитель, может быть, ещё в большей степени, чем в Европе, выступал в качестве образца, за которым необходимо было повторять по принципу «делай, как я». Что же до самого материала для изучения и повторения, то начиная с сунского времени стал знаменитый «Сань цзы цзин», или «канон трёх иероглифов»¹, уже первые строки которого содержат тезис о необходимости учиться и – его доказательство в виде конкретных примеров и образцов для подражания². «При каждом Училище находится храм учёных (храм культуры, вэнь мяо – Д.К.), в котором Кун-цзы занимает первое место» [1]. В 1313 г. при юаньском императоре Жэнь-цзуне³ знание Четвёрокнижия и особенно «Лунь юя» стало в Китае основой системы *кэцзюй*, государственных экзаменов на управленческие должности и сохранялось в таком качестве до 1905 г. До XX века китайцы вполне официально упорно придерживались образцов древности.

Конфуцию китайцы обязаны прецедентами самого разного рода. Однажды во время странствий, Конфуция, направлявшегося в царство Вэй, задержали у крепости Пу, однако согласились выпустить с условием (согласно Сыма Цяню): «Если Вы не направляетесь в Вэй, то мы отпустим Вас». Так они договорились, и Конфуций был выпущен через восточные ворота. Однако Конфуций всё же отправился в Вэй. Цзы-гун сказал ему: «Разве можно было нарушать договор?» На эти слова Конфуций ответил: «Соглашению, заключённому под угрозами, духи не следуют». [13, с. 135-136]. По словам В.В. Малявина, «Поведение учителя Куна в этом случае оказало сильное влияние на традиционную мораль китайцев: нарушить слово, данное неискренне, вовсе не считалось в Китае прегрешением» [8, с. 272]. Действительно, эпизод, произошедший с Конфуцием в Пу, китайцы помнят и поныне, храня его в арсенале своей парадигмы.

Истоки и основные паттерны конфуцианской культурной парадигмы. Под паттернами мы будем подразумевать конкретные смысло-жизненные схемы, структурирующие Бытие носителя парадигмы, его конкретные *тревогу и заботу*.

¹ В переводе И. Бичурина, «троесловие».

² Эту схему иллюстрируют первые строки «Сань Цзы цзина»:

«Природа человека от рождения –
В своей сущности, добрая.
[Хотя] по этой природе [люди] близки,
[Но] далеки друг от друга по умениям.
[Значит,] если не учиться,
Мы только лишь изменяем своей природе.
[Поэтому] путь учения
Обладает исключительной ценностью.
В прежние времена мать Мэн-цзы
Выбирала место жительства по соседям,
[Когда однажды] сын не захотел учиться,
Она перерезала основу ткани [, которую ткала].
Доу Яньшань
Знал должный метод:
[Он] выучил пятерых своих детей,
[И] имена [их] всех прославлены»

(Перевод Д.В. Конончука).

³ Символично, что храмовое имя императора содержало в себе одну из важнейших конфуцианских категорий – *жэнь* (человечность).

Паттерны в рамках парадигмы, как правило, имеют свои аналоги в виде категорий в рамках соответствующей доктрины. Однако между первыми и вторыми есть существенное различие. Парадигма, в отличие от доктрины, всегда практична (даже если и не прагматична). В рамках учения категории способны структурироваться исходя из самых различных мотивов, часто весьма субъективных и обусловленных самой индивидуальностью автора учения. Например, решающим фактором во взаимоотношениях категорий в рамках учения может быть их логическая связность в рамках целого. Парадигма же, как правило, мифологична, а значит, последнее для неё совершенно не обязательно. Парадигма, для того, чтобы выжить и распространиться, должна отвечать на жизненные запросы как можно большего числа адептов применительно к как можно большему количеству жизненных ситуаций. Адепты парадигмы – её тело. Философская или религиозная доктрина сама по себе может в достаточно аутентичном виде существовать и без адептов, но парадигма без адептората мертва. Мы можем неплохо реконструировать феноменологию, скажем, манихейства или моизма, но ни манихеев, ни моистов как таковых сегодня на свете нет. Парадигма призвана что-то объяснить лишь в тех рамках, которые обусловлены основной её задачей: указать людям Путь и Цель, т.е. Смысл их Бытия [**подробнее см.: 15**]. Как правило, парадигма – это сильно модифицированное под воздействием жизненных реалий учение того или иного великого Учителя; при этом, модификации, как показывает конкретный исторический опыт жизни парадигм, не только не дискредитируют изначальный образ Учителя, но наоборот, часто производятся его же именем. Парадигма рождается как рефлексивное предприятие, но именно в силу указанных модификаций рефлексивность в ней обречена всегда и только убывать. Учение – это бездна. Парадигма – бездонная бочка. Поэтому если доктрину того или иного Учителя можно уподобить сосуду с цветами, при соприкосновении с которым доминирует переживание прекрасного, то парадигма, созданная именем этого Учителя – это тот же сосуд, но только на словах. Фактически это давно уже ящик с инструментами, в котором можно отыскать всё, что нужно на любой случай жизни, и неважно, если для одной и той же задачи в ящике имеется сразу несколько совершенно разных по духу инструментов. Как правило, важна цель, которую преследуют адепты парадигмы в том или ином конкретном жизненном случае, задача, которую они решают. «Цель оправдывает средства», – принцип не учения, но парадигмы.

В жизни инструменты чаще всего нужнее цветов. Но цветы всё же имеют одно преимущество: они, в отличие от инструментов, живые. А инструменты полностью зависят от своего очередного хозяина.

На протяжении веков конфуцианская парадигма модифицировалась в соответствии с меняющимся ритмом жизни Китая. Её история – тема для многотомного издания. Вехами на этом долгом пути являются Цзэн-цзы, возглавивший конфуцианскую школу после смерти Конфуция; Мэн-цзы, творивший в условиях «войны ста школ»; прагматик Сунь-цзы, внёсший в парадигму здоровую долю легистских положений; Дун Чжуншу, главный деятель т.н. «ханьского синтеза», при котором конфуцианство сумело вобрать в себя наиболее выгодные идеи других школ и впервые стать общекитайским учением; Хань Юй, провозвестник неоконфуцианства в условиях гегемонии буддизма; Чжу Си, создатель нового канона конфуцианских текстов, и сотни, тысячи других, известных и неизвестных людей, реальных творцов парадигмы, стоящих за широкой и вечной спиной «Учителя и Образца десяти тысяч поколений».

Более того, Конфуций был не только не последним, но, разумеется, и не первым в числе творцов собственной парадигмы. К моменту возник-

новения конфуцианства вполне сложившаяся китайская культурная парадигма насчитывала уже несколько столетий реальной истории (и ещё больше – легендарной). Конфуцианство настолько органично вписалось в эту древнюю мудрость, что стало даже не превращённой формой предыдущей парадигмы, а её развитием. И в «Лунь юе», и в других источниках Конфуций постоянно цитирует как произведения литературы (в первую очередь, стихи «Ши цзина»), так и разного рода безымянные изречения, что уже свидетельствует о солидной традиции, стоявшей за его учением. Если христианская парадигма несла в себе значительный заряд революционности и отрицания, то конфуцианская разделяла основные принципы традиции, и, в отличие от христианской, претендовала на её защиту и выражение её интересов без конфликта с ней самой. Прямая параллель принципу Иисуса об исполнении, но не отрицании прежних установлений из Мф. 5:17-18, принцип Конфуция из «Лунь юе» 7.1 «передать, но не создавать, верить [древнему] и любить древнее» (*шу эр бу цзо, синь эр хао гу* 述而不作, 信而好古) вкупе с принципом из 2.11 «повторять древнее, но узнавать [в нём] новое» (*вэнь гу эр чжи синь* 溫故而知新) задают один из важнейших горизонтов конфуцианской парадигмы – отношение к своей предшественнице. «Поднебесная имеет [свой] Путь, и не мне, Цю, пытаться изменить его (*тянь ся ю дао, цю бу юй и е* 天下有道, 丘不與易也)», – говорит Конфуций у Сыма Цяня [26; 12, с. 140-141].

Ко времени жизни Конфуция китайская парадигма не только лишь обладала системной целостностью, более того, у этой парадигмы, собственно, даже был исторический автор, которого Конфуций глубоко почитал. Это был Чжоу-гун, один из основателей чжоуской династии, известный своей добродетельной мудростью создатель чжоуского ритуала, святой святых будущего конфуцианского учения. Как следует из «Цзо чжуани», именно «первоправитель Чжоу-гун, создавая чжоуский ритуал, сказал: через это мы открываем [в людях] добрую силу (德 дэ), с помощью доброй силы строим дела [управления], с помощью [так выстроенных] дел [управления] мы предвидим результаты, [этими] результатами народ живёт в достатке» [25, 6.18]. По-видимому, прав В.В. Малявин, предполагающий, что Чжоу-гун был любимым героем Конфуция [8, с. 75]; вероятно, этот человек, живший в сходную с конфуциевой эпоху жёстких политических перемен, стал и образцом для Конфуция. Конфуций хорошо знал существовавший в его время древнейший вариант «Шу цзина», одним из самых ярких героев которого был Чжоу-гун. Л.С. Васильев утверждает, что слой современного «Шу цзина», повествующий о воцарении династии Чжоу, относительно аутентичен, и в нём «конфуцианская этика присутствует лишь в том виде и настолько, в каком и насколько она существовала до Конфуция» [2, с. 19]. Если это так, то парадигмальность образа Чжоу-гуна для Конфуция имеет высокую вероятность. Конфуций отчего-то считал себя избранным Небом наследником Вэнь-вана, реальным сыном которого был Чжоу-гун [19, 9.5; 19.22]. Известно, что Конфуций имел с Чжоу-гуном «ментальную связь», регулярно общаясь с ним во сне [19, 7.5]. Как тонко подмечает В.В. Малявин, «Возможно, самому Конфуцию казалось, что не столько он выбрал своим кумиром Чжоу-гуна, сколько Чжоу-гун сам определил его быть наследником первых царей Чжоу» [8, с. 76].

Чжоугунова культурная парадигма, подобно моисеевой или гомеровской, может считаться своего рода «Ветхим заветом» своей цивилизации. В чжоугуновой парадигме, по которой Китай жил несколько столетий до Конфуция, мы, собственно, уже можем наблюдать главное положение конфуцианской парадигмы: посредством ритуала (*ли* 禮) пробуждать в человеке добрую силу или благодать (*дэ* 德). Конечным результатом

должно стать устойчивое равновесное состояние всякой системы, основанное на взаимодополняющей симфонии разнородных элементов (*хэ и*). Мы полагаем, что за эти три понятия репрезентируют основные паттерны конфуцианской культурной парадигмы.

Лексикология и грамматика китайского языка структурирует Бытие-в-мире таким способом, что мир, подобно иероглифическому тексту, феноменологически являет собой целостную структуру, доминирующую над своими частями. Характерная для западных парадигм схема «единое»/«многое» для китайской культуры неадекватна. Интенция китайского языка и письменности – это «целое»/«часть» [**подробнее на эту тему см. 10; 5**]. Для Китая был абсолютно чужд ближневосточный по своему происхождению образ мира как погрязшей во грехе испорченности или обречённой на страдание сансары. Китайский Мир изначально добр и упорядочен, Небо выступает гарантом порядка и стабильности в мире, этот порядок нужно не завоёвывать, а поддерживать в форме стабильности (*хэ и*). По словам М. Гране, для китайцев «призванием человеческого мышления является не чистое познание, а цивилизаторская деятельность: его роль заключается в установлении всеобщего и действенного порядка» [3, с. 23]. Добрая природа человека есть онтологическая данность, она укоренена в самом Мире. Гармонию *хэ* возможно поддерживать лишь особым способом Бытия-в-Мире: *хэ* достигается только тогда, когда человек актуализирует заключённую в нём добрую силу-благодать (*дэ* 德) и излучает её в Мир, тем самым одновременно проживая его и гармонизируя. Однако, как утверждает, например, конфуцианский текст «Да сюэ», «пресветлая благодать» (*мин дэ* 明德) сама нуждается в том, чтобы её свет был зажжён. Именно «воссияние пресветлой благодати» (*мин мин дэ* 明明德) выступает в этом тексте целью всякого усовершенствования [17]. Ну а ключевым способом усовершенствования людей в конфуцианстве являлся ритуал (*ли* 禮). Как нам сообщает другой текст «Ли цзи», «Жу син»: «Гармония (*хэ и*) становится ценностью посредством ритуала (*ли* 禮)» [18, 12] Эту же идею мы обнаруживаем и в [18, 1.12]: «Ю-цзы сказал: «Гармония (*хэ и*) становится ценностью, [когда] применяют ритуал (*ли* 禮). [Установленная] древними царями Правда (*дао* 道) этим была превосходна, и большие, и малые исходили из неё. Если кто-то не следовал [Правде], то приобщаясь к гармонии (*хэ и*), [сам] становился гармоничным (*хэ и*). Не формируя себя посредством ритуала (*ли* 禮), невозможно следовать [Правде] (*дао* 道)». Ли являет конкретный образец действия, конкретный паттерн поведения в той или иной ситуации, но он призван ориентировать своего носителя на актуализацию («сияние») *дэ*. Результат являет себя в виде гармонической стабильности *хэ*.

Модель повседневного поведения, ориентированного не на собственную исключительность, а на гармоничность во взаимоотношениях является базовой в культуре всего конфуцианского культурного региона. «Не в том дело, что азиаты плохо думают о своих качествах; скорее у них нет культурного позыва чувствовать себя исключительными или одарёнными. Их цель в обществе – не укрепиться в собственной уникальности и превосходстве, а достичь гармонии внутри сети социальных отношений и сыграть свою роль в достижении коллективной цели» [10, с. 83]. Китайская модель *золотой середины* (*чжун юн* 中庸) прочно связывается с именем Конфуция [19, 6.29]. Устойчивое и гармоничное состояние (*чжунхэ*, 中和) – главный мотив поведенческих стратегий в сфере образования, в экономике, юриспруденции¹ всей конфуцианской

¹ «Обыкновенно недовольные передают дело на рассмотрение третьему лицу, цель которого – не установление справедливости, а устранение вражды путём поиска среднего в притязаниях оппонентов» [10, с. 106].

цивилизации [10, с. 99-109], и в первую очередь Китая, страны, эндоним которой, как известно, в переводе означает *Срединное государство* (Чжунго 中国) [7, с. 113].

Схема хэ – дэ – ли может считаться основой китайской культурной парадигмы. Её легитимизацию произвёл в XII в. до н.э. Чжоу-гун, а новое содержание в неё в соответствии с принципом *вэнь гу эр чжи синь* в VI-V в. до н.э. вложил Конфуций. Истинная заслуга Конфуция, как и всякого великого Учителя, состоит в том, что он сумел гениально прочувствовать дух своей эпохи, прожить эту эпоху в себе, прочувствовать её чаяния, проблемы и заботы, то, что мы называется эпистемической тревогой, и – переформулировать прежнюю парадигму в новых условиях¹. Точнее всего суть этой заслуги понял Мэн-цзы, назвавший Конфуция «мудрецом, соответствовавшим времени» (*шэнь чжи ши чжэ шэнь-шэнь-шэнь* 聖之時者) [20, 10.10]. Это были не просто время, а Осевое время, когда на историческую арену выходила Личность с ценностью её самостоятельно и творческого внутреннего мира. Именно поэтому философия самого Конфуция обусловлена уже не только и даже не столько ритуалом (*ли* 禮), сколько внутренним феноменологическим переживанием близости с окружающими людьми (*жэнь* 仁). Интересно, что когда конфуцианство обрело государственную поддержку, что стало решающим шагом на пути превращения его в доминирующую парадигму китайской культуры, оно скорее неминуемо продемонстрировало возврат к чжоугуновым ценностям посредством учения Сунь-цзы с обусловленным его собственным громадным политическим опытом неверием в человека и явным приоритетом ли перед *жэнь*. Но при этом парадигмальными образцами в виде пяти конфуцианских святых-шэнов обречены были стать не прагматики «линии ли», а гораздо более привлекательные в таковом качестве, добрые и высокоморальные предстатели «линии жэнь» – Янь Юань, Цзэн-цзы, Цзы Сы, Мэн-цзы. Возглавлял эту пятёрку парадигмальный образ *Учителя и Образца десяти тысяч поколений*. Иного и быть не могло.

Литература

На русском языке

1. Бичурин И. Взгляд на просвещение в Китае // Его же. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/view/166159.htm>
2. Васильев Л.С. Древний Китай. Т. I: Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 379 с.
3. Гране М. Китайская мысль от Конфуция до Лао-цзы. М.: Алгоритм, 2008. 528 с.

¹ Стоит заметить, что реальное влияние «ветхозаветных» парадигм – гомеровой, моисеевой, чжоугуновой, по сравнению с «осевыми» – платоновской, христианской, конфуцианской – на наш сегодняшний способ Бытия нами самими явно недооценивается. Реальные практические принципы мировой политики и экономики и сегодня демонстрируют нам, что в некоторых наиболее консервативных паттернах, касающихся жизнеобеспечения социума, нынешняя цивилизация по-прежнему скорее наследница первых, чем вторых.

4. Кобзев А.И. Категория «философия» и генезис философии в Китае // Универсалии восточных культур. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 431 с. С. 200-219
5. Кобзев А.И. Китай и взаимосвязи иероглифики с континуализмом, а алфавита с атомизмом // Общество и государство в Китае: ХLI научная конференция. М.: Вост. лит., 2011. 440 с. С. 314-325.
6. Конфуцианское «Четвёркнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит., 2004. 431 с.
7. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ. М.: Вост. лит., 2010. 335 с.
8. Малявин В.В. Конфуций. М.: Молодая гвардия, 2010. 357 с.
9. Малявин В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография» и др., 2003. 436 с.
10. Нейсбит Р. География мысли. М.: Астрель, 2012. 285 с.
11. Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М.: Стилсервис, 2009. 704 с.
12. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2003. 464 с.
13. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VI. Пер. с кит. Р.В. Вяткина. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1992. 483 с.
14. Ячин Д.В., Конончук Д.В. Культурная парадигма: опыт концептуального осмысления // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012, № 2. С. 7-13.
15. Ячин С.Е., Конончук Д.В., Поповкин А.В., Буланенко М.Е. Дао и Телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 324 с.

На китайском языке

16. Ван ши ши бяо (Учитель и Образец десяти тысяч поколений) [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/view/166159.htm>
17. Ли цзи. Да сюэ [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/liji/da-xue>
18. Ли цзи. Жу син [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/liji/ru-xing>
19. Лунь юй [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/analects>
20. Мэн-цзы [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/mengzi>
21. Сань цзы цзин [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/view/10702.htm>
22. Сюань шэн (Совершенный в святости) [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/view/3967081.htm>
23. Хуаньюань вэнь мяо (Хуаньюаньский храм культуры) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.huangyuannews.com/system/2009/04/27/002731690.shtml>
24. Ли цзи. Чжун юн [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/liji/zhong-yong>
25. Чуньцю Цзо чжуань [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/chun-qi-u-zuo-zhuan>
26. Ши цзи. Кун-цзы ши цзя [Электронный ресурс]. URL: <http://ctext.org/shiji/kong-zi-shi-jia>

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

На русском языке

1. Bichurin I. Vzgl'yad na prosveshhenie v Kitae // Ego zhe. Sbornik sochinenij [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/view/166159.htm>

2. Vasil'ev L.S. Drevnij Kitaj. T. I: Predystoriya, SHan-In', Zapadnoe CHzhou (do VIII v. do n.eh.). M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995. 379 s.
3. Grane M. Kitajskaya mysl' ot Konfutsiya do Lao-tszy. M.: Algoritm, 2008. 528 s.
4. Kobzev A.I. Kategoriya «filosofiya» i genezis filosofii v Kitae // Universalii vostochnykh kul'tur. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. 431 s. S. 200-219
5. Kobzev A.I. Kitaj i vzaimosvyazi ieroglifiki s kontinualizmom, a alfavita s atomizmom // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae: XLI nauchnaya konferentsiya. M.: Vost. lit., 2011. 440 s. S. 314-325.
6. Konfutsianskoe «CHetvyoroknizhie» («Sy shu»). M.: Vost. lit., 2004. 431 s.
7. Lin' YUjtan. Kitajtsy: moya strana i moj narod. M.: Vost. lit., 2010. 335 s.
8. Malyavin V.V. Konfutsij. M.: Molodaya gvardiya, 2010. 357 s.
9. Malyavin V.V. Sumerki Dao. Kul'tura Kitaya na poroge Novogo vremeni. M.: IPTS «Dizajn. Informatsiya. Kartografiya» i dr., 2003. 436 s.
10. Nejsbit R. Geografiya mysli. M.: Astrel', 2012. 285 s.
11. Perelomov L.S. Konfutsij i konfutsianstvo s drevnosti po nastoyashhee vremya (V v. do n.eh. – XXI v.). M.: Stil'servis, 2009. 704 s.
12. Sidikhmenov V.YA. Kitaj: stranitsy proshlogo. Smolensk: Rusich, 2003. 464 s.
13. Syma TSYan'. Istoricheskie zapiski («SHi tszi»). T. VI. Per. s kit. R.V. Vyatkina. M.: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1992. 483 s.
14. YAchin D.V., Kononchuk D.V. Kul'turnaya paradigma: opyt kontseptual'nogo osmysleniya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2012, № 2. S. 7-13.
15. YAchin S.E., Kononchuk D.V., Popovkin A.V., Bulanenko M.E. Dao i Telos v smyslovom izmerenii kul'tur vostochnogo i zapadnogo tipa. Vladivostok: Izd-vo DVFU, 2011. 324 s.

На китайском языке

16. Van shi shi byao (Uchitel' i Obrazets desyati tysyach pokolenij) [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://baike.baidu.com/view/166159.htm>
17. Li tszi. Da syueh [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/liji/da-xue>
18. Li tszi. ZHu sin [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/liji/ru-xing>
19. Lun' yuj [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/analects>
20. Mehn-tszy [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/mengzi>
21. San' tszy tszin [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://baike.baidu.com/view/10702.htm>
22. Syuan' shehn (Sovershennyj v svyatosti) [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://baike.baidu.com/view/3967081.htm>
23. KHuan"yuan' vehn' myao (KHuan"yuan'skij khram kul'tury) [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.huangyuannews.com/system/2009/04/27/002731690.shtml>
24. Li tszi. CHzhun yun [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/liji/zhong-yong>
25. CHun'tsyu TSzo chzhuan' [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/chun-qiu-zuo-zhuan>
26. SHi tszi. Kun-tszy shi tszya [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://ctext.org/shiji/kong-zi-shi-jia>